

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-47-59>

УДК 394

ББК 63.5

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. М.А. Жигунова
г. Омск, Россия

© 2024 г. Р.Ю. Федоров
г. Тюмень, Россия

РОЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

Работа выполнена в рамках государственных заданий Института археологии, антропологии и этнографии СО РАН (Проект № 0264-2022-0002) и Тюменского научного центра СО РАН (Проект № FWRZ-2021–0006)

Аннотация: На примере отдельных территориально-этнографических и конфессионально-этнографических групп исследована роль этнокультурных компонентов в возникновении различных форм самосознания восточных славян Сибири с конца XVI в. до начала 2020-х гг., выявлены основные закономерности их формирования. Часть этих форм идентичности имела локальный характер, сохраняя свое устойчивое бытование в определенных территориальных рамках. Другая их часть прошла путь трансформации от локального к рассеянному бытованию. Как правило, присущие ее представителям названия, которые первоначально имели узкий смысл, постепенно превращались в своеобразные этнокультурные стереотипы, которые в разных регионах ассоциировались с определенными группами старожилов, переселенцев или старообрядцев. Особенностью их названий являлось то, что они идентифицировали множество не связанных друг с другом локальных общностей, которые были лишь на символическом уровне объединены каким-нибудь этнодифференцирующим признаком, обладая при этом культурной вариативностью. Проведенный анализ указывает на то, что разные формы этнокультурной идентичности восточнославянского населения Сибири имели свои жизненные циклы. Как правило, возникшие в Сибири специфические названия прекращали свое широкое бытование, когда стирались различия между обозначаемыми ими группами. На протяжении первых десятилетий XXI в. у русских, украинцев и белорусов Сибири доминирует многоуровневый характер этнокультурной идентичности, важнейшими компонентами которой являются общегражданская российская идентичность, а также — этническая и региональная сибирская идентичности.

Ключевые слова: Сибирь, восточные славяне, самосознание, этнокультурная идентичность, межэтнические взаимодействия, этнокультурные стереотипы.

Информация об авторах:

Марина Александровна Жигунова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, пр. К. Маркса, д. 15, 644024 г. Омск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9719-2525>.

E-mail: marizh.omsk@mail.ru

Роман Юрьевич Федоров — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Тюменский научный центр Сибирского отделения российской академии наук, ул. Малыгина, д. 86, 625026 г. Тюмень, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3658-746X>

E-mail: r_fedorov@mail.ru

Дата поступления статьи: 11.09.2023

Дата одобрения рецензентами: 22.03.2024

Дата публикации: 25.09.2024

Для цитирования: Жигунова М.А., Федоров Р.Ю. Роль этнокультурных компонентов в формировании идентичности восточнославянского населения Сибири // Вестник славянских культур. 2024. Т. 73. С. 47–59.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-47-59>

Введение.

В результате присоединения Сибири к российскому государству в конце XVI в. территория расселения восточнославянских народов, проживающих в России, увеличилась более, чем в три раза. При этом освоение Сибири непрерывно сопровождалось возникновением новых или трансформацией прежних форм этнокультурной идентичности. На протяжении последних десятилетий наблюдается неуклонный рост интереса представителей различных научных дисциплин к этой тематике. Начиная с 2009 г., по инициативе М.А. Жигуновой, на Конгрессах этнологов и антропологов России была организована секция, посвященная различным проблемам идентичности (ее работой руководили М.Н. Губогло и М.А. Жигунова, в 2021 г. — Р.А. Старченко и М.А. Жигунова). Рассматривались на ней и вопросы этнокультурной идентичности восточнославянского населения Сибири, неоднократно возникали оживленные дискуссии. В 2018 г. в Новосибирске прошла Международная научная конференция «Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий» [16], в которой приняли участие не только этнологи, но и философы, социологи, лингвисты, культурологи, фольклористы и психологи. Доклады по этой тематике представлены также на ежегодных семинарах «Этносоциальные процессы в Сибири» (г. Новосибирск) и «Народная культура Сибири» (г. Омск), конференциях «Этнография Алтая и сопредельных территорий» (г. Барнаул). В 2022 г. вышла в свет монография «Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточно-славянских народов в Сибири (XIX — начало XXI века)», подготовленная коллективом авторов под руководством Е.Ф.Фурсовой [9].

Основная задача данной статьи заключается в рассмотрении причин возникновения и характера бытования различных форм этнокультурной идентичности восточнославянского населения Сибири. Не претендуя на полноту охвата всего многообразия проявлений идентичности, авторами рассмотрен ряд их наиболее

значимых примеров. Работа базируется на полевых материалах, собранных в 1984–2023 гг. в Алтайском, Забайкальском и Красноярском краях; Иркутской, Кемеровской, Курганской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областях; Республиках Алтай, Бурятия, Хакассия; в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. Помимо этого были рассмотрены документальные архивные, статистические и публицистические источники, сведения из средств массовой информации, публикации современных сибирских этнологов. Существенным подспорьем при изучении культурной самоидентификации являются этнографические собрания музеев. Чаще всего встречаются коллекции, посвященные культуре русских, менее всего представлена в них культура белорусов.

Методология исследования опирается на междисциплинарную основу, включающую ряд подходов, сложившихся в современной этнологии, социальной антропологии, культурологии, социологии и ряде других гуманитарных дисциплин. Среди них важное место занимает конструктивистский подход к изучению этничности, идентология, этносимволизм и концепции этнических границ [4, 10, 15, 18]. Базируясь на этих методологических подходах, авторами была предложена и апробирована гипотеза о том, что этнокультурные стереотипы (особенности культуры определенной этнической, субэтнической или локальной общности, которые приобретают в мировоззрении ее окружения этнодифференцирующее значение) в большинстве случаев прошли путь трансформации от имевших узкое значение экзонимов к обобщающим названиям, которые со временем, в равной степени становились как экзо-, так и эндоэтнонимами.

Этнокультурная идентичность восточнославянского населения Сибири на ранних этапах ее освоения.

В начальный период освоения Сибири важная роль была отведена казачеству. Во многих языках коренных народов Сибири слово «казак» синонимично значению «русский», поскольку первые русские пришельцы в Сибирь зачастую являлись казаками [19, с. 233]. При этом, оказавшись на территории Азиатской России, представители различных групп казаков (донских, кубанских, волжских и др.) достаточно быстро начали осознавать себя новой общностью — сибирскими казаками. Внутри сибирского казачества самоидентификация складывалась как по принадлежности к определенному казачьему войску, так и по региональному признаку (алтайские, амурские, енисейские, даурские казаки и др.).

В XVII — первой половине XVIII вв. одной из заметных форм этнокультурной идентичности восточнославянского населения Западной Сибири был политоним «литва» («литвины»). Первоначально он употреблялся применительно к так называемым «казакам литовского списка», но позднее его часто использовали по отношению ко всем иноземцам, которые были выходцам с территории Великого княжества Литовского (Польско-Литовского государства), значительная часть которых являлась предками современных белорусов [8].

В конце XVII — начале XVIII вв. в аграрной среде Приисетья, Алтая и некоторых других регионов Западной Сибири начали складываться места компактного проживания ряда конфессионально-этнографических групп русских старообрядцев. В большинстве случаев их названия опирались не на согласия, к которым принадлежали те или иные общины староверов, а на культурно-бытовые стереотипы, которыми наделяли их местные жители. Как правило, первоначально эти названия применялись

к определенной локальной группе. В ряде случаев они начинали распространяться и на другие сообщества старообрядцев. Чаще всего подобная ситуация наблюдалась применительно к приверженцам старой веры, которых называли «двоеданами» и «кержаками». Для них были характерны множественные вторичные переселения внутри Сибири, сопровождавшиеся дроблением локальных сообществ на более мелкие группы и их объединением с другими общинами старообрядцев. Наиболее вероятно, что название «двоедана» могло появиться после Указа Петра I об уплате староверами двойной подушной подати [12]. В «Словаре русских народных говоров» использование этого слова фиксируется с середины XIX в. по отношению к раскольникам, проживавшим на территории Среднего Урала и Западной Сибири [22, с. 285]. В настоящее время это название продолжает использоваться в качестве своеобразного этнокультурного стереотипа, которым идентифицируют потомков староверов. Сегодня оно имеет наибольшую распространенность в Свердловской, Курганской, Тюменской, Омской и Новосибирской областях.

В Сибири старообрядцев часто называли «кержаками». Принято считать, что эта группа формировалась со второй трети XVIII в. из бежавших на Урал и в Западную Сибирь насельников Новгородской губернии Керженских скитов староверов [13]. На протяжении XVIII–XIX вв. на территории Горного Алтая, в долинах бассейна реки Бухтармы и высокогорной Уймонской степи сложилась локальная группа старообрядцев — «каменщиков». Возникновение этого названия местные жители связывали с тем, что они предпочитали селиться в труднодоступной горной местности, которую называли словом «камни». Примечательно, что многие «каменщики» имели двойную идентичность, также причисляя себя к более обширной группе кержаков [1].

Во второй половине XVIII в. на Алтае и в Забайкалье возникли новые районы проживания старообрядцев, переселенных с территорий, входивших в состав Речи Посполитой. Группа старообрядцев, поселившаяся на Алтае, получила от местных жителей название «поляки», которое ассоциировалось с местом их выхода [3]. Старообрядцев, поселившихся в Забайкалье, называли «семейскими», связывая это с тем, что они пребывали на территории края большими семьями [2, с. 56]. В отличие от превратившихся в рассеянные группы двоедан и кержаков, «поляки» и «семейские» проживали в сравнительно устойчивых территориальных границах, вплоть до середины XX в., редко заключая браки с проживавшими поблизости русскими старожилками или представителями других народов [2, 3]. Помимо перечисленных выше наиболее заметных групп старообрядцев, в Сибири в разное время складывались небольшие локальных сообществ староверов, часть из которых получила самоназвания («австрийцы», «курганы», «москали» и др.), либо имела идентификацию лишь по местности проживания («чойские старообрядцы», «турочакские старообрядцы» и др.) [12, 13, 14].

В XVIII — первой половине XIX вв. в этнокультурной идентичности восточнославянского населения Сибири начали формироваться предпосылки старожильческой основы [5]. С одной стороны, эта ситуация была обусловлена тем, что во многих сибирских деревнях проживали крестьяне, два — три поколения которых обосновались в Сибири. За это время они, как правило, успели не только успешно адаптировать свою хозяйственную деятельность к новым условиям, но и забыть о прошлом своих предков, которые некогда проживали на территории европейской части Российской империи. С другой стороны, находящиеся в непосредственной близости от них представители тех территориально-этнографических или конфессионально-этнографических групп восточных славян, которые недавно поселились в Сибири, впервые начали воспри-

нимать этих людей в качестве местных старожилов. Наиболее вероятно, что в таких ситуациях слово «сибиряк» первоначально употреблялось по отношению к старожильческому населению как экзоним, но впоследствии оно все чаще стало выступать в качестве его самоназвания. К примеру, на территории Тарбагатайского района Республики Бурятия старообрядцы, получившие от местного русского старожильского населения название «семейские», называли его представителей «сибиряками» [2]. В ряде соседних районов проживавшие в окружении бурят русские старожилы широко использовали слово «сибиряк» в качестве самоназвания.

Этнокультурная идентичность восточнославянского населения Сибири в период крестьянских переселений второй половины XIX — начала XX вв.

Крестьянские переселения второй половины XIX — начала XX вв. существенным образом усложнили этнокультурную структуру восточнославянского населения Сибири. В этот период отчетливо выделилось его разделение на старожилов и переселенцев [11]. В идентичности переселенцев прослеживалось несколько уровней. Первым из них выступала региональная идентичность, состоящая в том, что они отождествляли себя с губерниями своего выхода, называя себя «вятскими», «могилевскими», «полтавскими», «черниговскими» и пр. Следует отметить, что ввиду еще не сформировавшейся на тот момент этнической идентичности большинства украинских и белорусских крестьян, последние вместо своей национальности чаще всего называли родные губернии [12]. При этом, благодаря внутреннему характеру миграций, переселенцы с территории Европейской России, Украины и Белоруссии отождествляли свою родину с Россией, поэтому в Сибири их часто называли общим словом «российские/росейские/расея» [17].

На территории Сибири у переселенцев начали формироваться новые формы идентичности, основанные на внешних этнокультурных стереотипах, которыми их наделяли старожилы. Так, по отношению к переселенцам широкое распространение получило название «самоходы». В настоящее время установить точную этимологию этого слова не представляется возможным, но можно предположить, что в стихийном возникновении этого названия могли скреститься два созвучных смысла: самовольное переселение, которое осуществлялось «своим ходом» [11, с. 105]. Также слово «самоход» активно использовалось последними в качестве самоназвания [5, с. 139]. Особенно устойчиво его бытование наблюдалось в деревнях, где проживали переселенцы из разных мест. «Самоходами» часто называли себя и белорусские переселенцы. По всей видимости, данная ситуация была обусловлена еще не сформировавшимся на тот момент их этническим самосознанием. Если на территории Белоруссии крестьяне часто называли себя «тутэйшыми» (здесьними), в Сибири они начали отождествлять себя с самоходами (пришлыми) [11, с. 107]. Переселенцев также часто называли «лапотниками», поскольку они продолжали носить в Сибири лапти (в отличие от старожилов, предпочитавших кожаную обувь) [12]. Значение своеобразного этнокультурного стереотипа на территории Сибири приобрело слово «хохлы». Русские старожилы часто называли так не только украинцев, но и белорусских, и южнорусских переселенцев, в говорах которых присутствовало мягкое фрикативное «г» [9, с. 95]. При этом, слово «хохлы» часто употреблялось в качестве самоназвания переселенцев.

В большинстве регионов земледельческой зоны Сибири переселенцы называли старожилов «чалдонами». Наиболее часто встречаются следующие объяснения этого

названия: «потомки казаков с рек Чала и Дона», «люди, приплывшие в Сибирь на челнах», «каторжники», «метисы русских и коренных народов Сибири», «люди, любящие пить чай» [9, с. 32–43; 11, с. 103–104]. Анализ этих трактовок подтверждает предположение о том, что слово «чалдон» являлось своеобразным отражением этнокультурных стереотипов старожилов, которыми их наделяли переселенцы. Можно предположить, что первоначально этим словом переселенцы дразнили старожилов, но позднее оно стало широко использоваться в качестве их самоназвания.

Трансформации этнокультурной идентичности восточнославянского населения Сибири в первой трети XX — начале 2020-х гг.

На протяжении первой половины XX в. формы этнокультурной идентичности восточнославянского населения Сибири, которые возникли в период крестьянских переселений второй половины XIX — начала XX вв., продолжали играть заметную роль в народной жизни. Одним из важных индикаторов этой тенденции являлось сохранение брачных кругов внутри данных групп. Параллельно с этим, со второй половины 1920-х гг., благодаря национальной политике СССР, впервые большое значение стало придаваться разделению восточнославянского населения Сибири на русских, украинцев и белорусов. По результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г., на территории Сибирского края проживало 6767892 русских (77,9% от общей численности населения), 827536 украинцев (9,5%) и 320320 белорусов (3,6%) [20].

Во второй половине XX в. для значительной части украинских и белорусских переселенцев в Сибири была характерна тенденция к смене своей этнической идентичности на русскую, а также — утрата былого значения большинства территориально-этнографических и конфессионально-этнографических групп [5]. Причины этого процесса были связаны с целым рядом факторов. В качестве первого из них выступала унификация и стандартизация быта, которая минимизировала, а подчас и полностью стирала социальные, культурные и конфессиональные различия. Вторым фактором являлся демографический провал, наступивший в результате Великой Отечественной войны, в результате которого резко возросло число межэтнических семей и браков между представителями разных этнографических групп восточнославянского населения Сибири. Так, согласно обработанным М.А. Жигуновой данным архивов ЗАГС, в отдельных районах Западной Сибири в 1950–1970-е гг. межнациональные браки составляли до 73% от всех зарегистрированных.

В ситуации активных миграционных процессов и роста межэтнических браков для сегодняшнего времени стало характерным развитие сложной этнокультурной самоидентификации. Это находит свое отражение в таких ответах на вопрос об этнической принадлежности: «никакой», «многонациональная», «русско-украинско-белорусско-финская», «татаро-украино-русская», «русский хохол с еврейскими корнями», «на $\frac{1}{4}$ русская, на $\frac{1}{4}$ украинка, на $\frac{1}{4}$ немка, на $\frac{1}{4}$ мордва», «советский человек с различными корнями» и др. [5, с. 138; 6, с. 19–36]. Также нередки сочетания европейских, азиатских и других вариантов имен, отчеств и фамилий у современных сибиряков. На территории Сибири встречаются люди с русскими/славянскими фамилиями, но с различными антропологическими типами, отличными от европеоидной расы (цвет кожи, пропорции тела, профилировка лица, форма носа, цвет и размер глаз, третичный волосяной покров, цвет и форма волос и др.). Первичная визуальная идентификация зачастую не соответствует восточнославянскому самоопределению такого человека. Среди оснований

этнической самоидентификации в настоящее время чаще всего выступают следующие: «по родителям/по корням/по крови/по происхождению», «по языку», «по культуре», «по рождению и проживанию на этой территории», «по вере православной» и даже — по ощущениям: «чувствую, что я — русский/русская».

Проведенные на протяжении последних десятилетий исследования свидетельствуют о том, что слово «сибиряк» не только играет важную роль в этнокультурной идентичности восточнославянского населения Сибири, но и приобретает новые смысловые грани. Так, М.А. Жигунова выделила территориальные, историко-хронологические, психологические и этнокультурные аспекты сибирской идентичности [6]. В ходе Всероссийской переписи населения 2010 г., более 4000 человек причислили себя к национальности «сибиряк» [21]. Примечательно, что среди этих людей были не только потомки русских старожилов Сибири, но и рожденные в Сибири люди, чьи предки приехали из других регионов и даже — бывших союзных республик СССР. Наряду с «сибиряками» встречаются «дальневосточники». Так, например, известный композитор Г.В. Гладков в своем недавнем интервью сказал: «Я родился на Дальнем Востоке, я — дальневосточник» (телеканал «Культура», 02.06.2023 г.). В самоидентификации современных жителей Сибири часто можно встретить комбинированные определения этнической и территориальной идентичности: «русский алтаец», «русский сахалинец», «русский сибиряк», «омский/сибирский белорус», «сибирский казак», «сибирский украинец/сибирский хохол» и т. д.

Существенным дополнением к исследуемой тематике является анализ современных этнокультурных предпочтений населения Сибири [7, с. 126–169]. Так, например, среди русского населения г. Омска различной поло-возрастной и социально-профессиональной принадлежности среди самых любимых праздников были названы: Новый год, Пасха, дни рождения, Рождество Христово, День Победы — 9 мая. Наряду с ними нередко упоминался и Навруз — «Тюркский новый год». Еще большим разнообразием отличаются пищевые предпочтения: пельмени (с различными начинками), блины, борщ, шашлык, плов, манты, беляши, чак-чак, хинкали, вареники, драники, чебуреки, лагман, фунчоза, голубцы, пицца, шужук, суши и мн. др. Здесь присутствуют блюда национальной кухни различных народов не только Омской области, Сибири, но и самых разных стран мира. Среди любимых песен — широко известные: «Ой, мороз, мороз», «Калинка», «Степь да степь кругом», «По Дону гуляет казак молодой», «Катюша», «Журавли», «Каким ты был, таким остался» и др. Любимы многими украинские народные песни («Розпрягайте, хлопці, коні», «Ой, при лужку, при лужке», «Ти ж мене підманула», «Несе Галя воду» и др.), цыганские песни и романсы («Дорогой длиною», «Очи черные» и др.), грузинская песня «Сулико». Встречаются случаи, когда в качестве любимых называют песни различных народов Ближнего и Дальнего Зарубежья, среди молодежи превалируют песни на английском языке. В Сибири люди самых разных национальностей исполняют песни других народов не только в фольклорных и профессиональных коллективах, но и на совместных праздничных застольях.

Выводы.

В этнической истории восточнославянского населения Сибири можно выделить несколько основных периодов. Формирование русского старожильского населения Сибири пришлось на период с конца XVI до середины XIX вв. Оно неразрывным образом было связано как с процессами адаптации обосновавшихся на ее территории людей,

так и с отождествлением Сибири как своей родины их потомками. Также этот период охарактеризовался возникновением на территории Сибири новых субэтнических общностей восточных славян. Одной из первых среди них стали инородцы — «литва», позднее, с конца XVII в., началось формирование конфессионально-этнографических групп сибирских старообрядцев.

В возникновении новых форм этнокультурной идентичности восточнославянского населения Сибири можно проследить следующую закономерность. Часть из них имела локальный характер, сохраняя свое устойчивое бытование в территориальных рамках определенных районов (например, «поляки», «семейские», «каменщики»). Другая часть этих форм идентичности прошла путь трансформации от локального к рассеянному бытованию. Как правило, такие (первоначально имевшие узкий смысл названия) постепенно превращались в своеобразные этнокультурные стереотипы, которые в разных регионах ассоциировались с определенными группами старожилов, переселенцев или старообрядцев. Особенностью этих названий являлось то, что они идентифицировали множество не связанных друг с другом локальных общностей, которые были лишь на символическом уровне объединены каким-нибудь этнодифференцирующим признаком, обладая при этом культурной вариативностью. К их наиболее ярким проявлениям можно отнести чалдонов и самоходов. Следует отметить, что по мере расселения по территории Сибири таких групп старообрядцев как «двоедане» и «кержаки», в ряде регионов эти названия также превратились в своеобразные нарицательные определения, которые местные жители могли применять ко всем проживавшим поблизости старообрядцам.

Начиная с 1920-х гг., формирование новых этнодифференцирующих названий восточнославянского населения Сибири практически прекратилось (за исключением возникновения коллективных прозвищ или самоназваний небольших локальных групп). Однако, многие возникшие ранее названия продолжали играть свою заметную роль в народной жизни вплоть до середины XX в., сохраняя свое последующее латентное бытование. Начавшийся в 1990-е гг. своеобразный «этно-ренессанс» способствовал росту интереса к различным формам этнического самосознания. Однако ввиду таких факторов, как депопуляция сельского населения, разрушение во многих семьях межпоколенной трансляции этнических традиций и тяготение значительной части молодежи к новым глобализационным культурным стандартам, использование этих названий в повседневной жизни, как правило, связано лишь с памятью о прошлом своих предков. При этом, обычно оно не несет в себе былых стратифицирующих или этнодифференцирующих функций.

Проведенный авторами анализ указывает на то, что разные формы этнокультурной идентичности восточнославянского населения Сибири имели свои жизненные циклы. К примеру, устаревший политоним «литва/литвины» уже к середине XVIII в. утратил свое массовое бытование, несмотря на то что в качестве своеобразного анахронизма иногда употреблялся на территории Азиатской России применительно к более поздним группам переселенцев. Названия большинства сформировавшихся в Сибири групп старообрядцев продолжают использоваться и по сей день. Эта тенденция обусловлена как возрождением отдельных старообрядческих общин, так и неослабевающим интересом к их традициям со стороны историков, этнографов и публицистов. Разделение на чалдонов и самоходов в большинстве случаев сохранилось в памяти представителей старших поколений, однако, не играет заметной роли в современной жизни. Еще сильнее утрачена память о региональной идентичности, связанной с местами

выхода предков крестьян-переселенцев в Сибирь. Как правило, возникшие в Сибири специфические этнокультурные самоназвания прекращали свое широкое бытование, когда стирались основные различия и этнические границы между обозначаемыми ими группами. Начиная со второй половины 1930-х гг. большинство потомков украинских и белорусских переселенцев постепенно переходили на русскую национальную идентичность. На протяжении первых десятилетий XXI в. у восточнославянского населения Сибири доминирует многоуровневый характер этнокультурной идентичности, важнейшими компонентами которой являются общегражданская российская идентичность, а также — этническая и региональная сибирская идентичности.

Список литературы

Исследования

- 1 *Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П.* Кто такие бухтарминские старообрядцы // Бухтарминские старообрядцы. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 1–48.
- 2 *Болонев Ф.Ф.* Семейские. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1992. 224 с.
- 3 *Болонев Ф.Ф.* Старообрядцы Алтая и Забайкалья. Опыт сравнительной характеристики // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы междунар. симпоз. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. 2. С. 85–93.
- 4 *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.
- 5 *Жигунова М.А.* Восточнославянское население в Сибири: этнокультурная история и идентичность // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. №3 (9). С. 136–146.
- 6 *Жигунова М.А.* Концепт «сибиряк»: современные трактовки, подходы и образы // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования/сост. и отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2018. С. 351–368.
- 7 *Жигунова М.А.* Русское население города Омска: идентичность, культура, традиции: монография. Институт археологии и этнографии СО РАН/отв. ред. П.П. Вибе, Н.А. Томилов. Омск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2022. 232 с.
- 8 *Резун Д.Я., Соколовский И.Р.* О «литве» в Сибири 17 в. // Белорусы в Сибири. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2000. С. 22–64.
- 9 Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XIX — начало XXI в.)/Е.Ф. Фурсова, Р.Ю. Федоров, Н.И. Шитова и др.; отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 2022. 284 с.
- 10 *Тишков В.А.* От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. №5. С. 5–22.
- 11 *Федоров Р.Ю.* Чалдоны и самоходы: мифы идентичности и этнографическая реальность // Этнографическое обозрение. 2020. №4. С. 102–115.
- 12 *Фурсова Е.Ф.* Этнографические группы восточных славян в Западной Сибири: типология, идентичность, межкультурные взаимодействия // Этнокультурные взаимодействия в Евразии. М.: Наука, 2006. С. 427–441.
- 13 *Фурсова Е.Ф.* Проблемы типологии этнографических, конфессиональных, локальных групп славянских переселенцев Сибири: мультидисциплинарный подход // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. №2. С. 100–104.

- 14 *Шитова Н.И.* Старообрядческие группы в горном Алтае (по полевым материалам) // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история): 2017 год. Мат. XIII междунар. научн.-практ. конф. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 2018. С. 312–317.
- 15 Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий/ред. Ф. Барт. М.: Новое издательство, 2006. 198 с.
- 16 Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий/отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 2019. 592 с.
- 17 *Beljanin D.N., Vorobieva T.V., Emelyanova E.K., Goroshko N.V., Gulyaeva N.V., Zhigunova M.A., Zinoviev V.P., Fedorov R.Yu., Sherstova L.I.* Siberia within the Russian Empire of the XVIII — beginning of the XX Centuries // Humans in the Siberian Landscapes. Ethnocultural Dynamics and Interaction with Nature and Space/ ed. by V.N. Bocharnikov, A.N. Steblyanskaya. Cham: Springer, 2022. P. 151-168.
- 18 *Smith A.D.* National Identity. London: Penguin, 1991. 227 p.

Источники

- 19 *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
- 20 Всесоюзная перепись населения 1926 г. // Демоскоп Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php (дата обращения: 29.08.2023).
- 21 Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Изменение численности населения России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol11/pub-11-1-1.pdf (дата обращения: 29.08.2023).
- 22 Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1972. Вып. 7./сост. Н.И. Андреева-Васина и др. 355 с.

© 2024. **Marina A. Zhigunova**
Omsk, Russia

© 2024. **Roman Yu. Fedorov**
Tyumen, Russia

THE ROLE OF ETHNOCULTURAL COMPONENTS IN THE IDENTITY OF THE EAST SLAVIC POPULATION OF SIBERIA

Acknowledgements: The work was carried out under state assignments of the Institute of Archeology, Anthropology and Ethnography SB RAS (Project No. 0264-2022-0002) and the Tyumen Scientific Center SB RAS (Project No. FWRZ-2021–0006).

Abstract: The present study, via the cases of territorial-ethnographic and confession-ethnographic groups revealed the role of ethnocultural components in the emergence of various forms of identity of the Eastern Slavs, which had lived in Siberia since the end of 16th century up to the 2020s and established that the following patterns exist

in the shaping of new forms of ethnocultural identity of the East Slavic population of Siberia. Some of these identity forms had a local way and maintained their steady existence within the territorial boundaries of certain areas or regions. Another part of them underwent the path of transformation from local to diffuse existing. As a rule, such names (initially having a narrow meaning) gradually turned into peculiar ethnocultural stereotypes, which in different regions were associated with certain groups of old settlers, peasants-migrants or old believers. Characteristic feature of these names was that they identified many unrelated local communities that were only symbolically united by some ethno-differentiating attribute, while possessing cultural variability. The analysis indicates that different forms of ethnocultural identity of the East Slavic population of Siberia had their own life cycles. As a rule, specific ethnocultural names that arose in Siberia ceased their widespread existence when the differences between the groups they designated were erased. During the first decades of the 21st century, among the East Slavic population of Siberia dominates multi-level way of ethno-cultural identity, the most important components of which are general civil Russian identity, as well as ethnic and regional Siberian identity.

Keywords: Siberia, Eastern Slavs, Self-awareness, Ethnocultural Identity, Interethnic Interactions, Ethnocultural Stereotypes.

Information about the authors:

Marina A. Zhigunova — PhD in History, Chief Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, K. Marks Ave., 15, 644024 Omsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9719-2525>

E-mail: marizh.omsk@mail.ru.

Roman Yu. Fedorov — DSc in History, Director of Research, Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Malygina St., 86, 625026 Tyumen, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3658-746X>

E-mail: r_fedorov@mail.ru

Received: September 11, 2023

Approved after reviewing: March 22, 2024

Date of publication: September 25, 2024

For citation: Zhigunova, M.A., Fedorov, R.Yu. “The Role of Ethnocultural Components in the Identity of the East Slavic Population of Siberia.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 73, 2024, pp. 47–59. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-47-59>

References

- 1 Blomkvist, E.E., Grinkova, N.P. “Kto takie bukhtarminskie staroobriadtsy” [“Who are the Bukhtarma Old Believers”]. *Bukhtarminskie staroobriadtsy [Bukhtarminsky Old Believers]*. Leningrad: Akademiia nauk SSSR Publ., 1930, pp. 1–48. (In Russ.)
- 2 Bolonev, F.F. *Semeiskie. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Semejskie. Historical and Ethnographic Essays]*. Ulan-Ude, Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1992. 224 p. (In Russ.)
- 3 Bolonev, F.F. “Staroobriadtsy Altaia i Zabaikal'ia. Opyt sravnitel'noi kharakteristiki” [“Old Believers of Altai and Transbaikal. Comparative experience”]. *Sibir' v panorame tysiacheletii: Materialy mezhdunar. simpoz. [Siberia in the Panorama of Millennia:*

- Abstracts of the International Symposium*], vol. 2. Novosibirsk, Institute of Archeology, Anthropology and Ethnography SB RAS Publ., 1998, pp. 85–93. (In Russ.)
- 4 Guboglo, M.N. *Identifikatsiia identichnosti: Etnotsiologicheskie ocherki. [Identity Identification: Ethno-sociological Essays]*. Moscow, Nauka Publ., 2003. 764 p. (In Russ.)
- 5 Zhigunova, M.A. “Vostochnoslavianskoe naselenie v Sibiri: etnokul'turnaia istoriia i identichnost'” [“East Slavic Population in Siberia: Ethnocultural History and Identity”]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii*, no. 3 (9), 2015, pp. 136–146. (In Russ.)
- 6 Zhigunova, M.A. “Kontsept ‘sibiriak’: sovremennye traktovki, podkhody i obrazy [“Concept ‘Siberian’: Modern Interpretations, Approaches and Images”]. *Algoritmy chelovechnosti. Opyt antropologicheskogo issledovaniia. [Algorithms of Humanity. Experience in Anthropological Research]*. Moscow: Institute of Archeology, Anthropology and Ethnography SB RAS Publ., 2018, pp. 351–368. (In Russ.)
- 7 Zhigunova, M.A. *Russkoe naselenie goroda Omska: identichnost', kul'tura, traditsii [Russian Population of the City of Omsk: Identity, Culture, Traditions]*. Omsk, Ekaterinburg, Ural'skii rabochii Publ., 2022. 232 p. (In Russ.)
- 8 Rezun, D.Ya., Sokolovskii, I.R. “O ‘litve’ v Sibiri 17 v.” [“About ‘Litva’ in Siberia 17th Century”]. *Belorusy v Sibiri [Belarusians in Siberia]*. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2000, pp. 22–64. (In Russ.)
- 9 Fursova, E.F., editor *Sibir' i sibir'iaki: etnokul'turnaia identichnost' russkogo i drugikh vostochnoslavianskikh narodov v Sibiri (XIX – nachalo XXI v.) [Siberia and Siberians: Ethnocultural Identity of the Russian and other East Slavic Peoples in Siberia (19th – Beginning of 21st Century)]*. Novosibirsk, Institute of Archeology, Anthropology and Ethnography SB RAS Publ., 2022. 284 p. (In Russ.)
- 10 Tishkov, V.A. “Ot etnosa k etnichnosti i posle” [“From Ethnos to Ethnicity and Beyond”]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, 2016, pp. 5–22. (In Russ.)
- 11 Fedorov, R.Yu. “Chaldony i samokhody: mify identichnosti i etnograficheskaia real'nost'” [“Chaldony and Samokhody: Myths of Identity and Ethnographic Reality”]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, 2020, pp. 102–115. (In Russ.)
- 12 Fursova, E.F. “Etnograficheskie gruppy vostochnykh slavian v Zapadnoi Sibiri: tipologii, identichnost', mezhkul'turnye vzaimodeistviia” [“Ethnographic Groups of Eastern Slavs in Western Siberia: Typology, Identity, Intercultural Interactions”]. *Etnokul'turnye vzaimodeistviia v Evrazii [Ethnocultural Interactions in Eurasia]*. Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 427–441. (In Russ.)
- 13 Fursova, E.F. “Problemy tipologii etnograficheskikh, konfessional'nykh, lokal'nykh grupp slavianskikh pereselentsev Sibiri: mul'tidistsiplinarnyi podkhod” [“Problems of Typology of Ethnographic, Confessional, Local Groups of Slavic Migrants of Siberia: Multidisciplinary Approach”]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 22, no. 2, 2015, pp. 100–104. (In Russ.)
- 14 Sheitova, N.I. “Starobryadcheskie gruppy v Gornom Altae (po polevym materialam)” [“Old Believer Groups in Gornyj Altai (Based on Field studies)”]. *Polevye issledovaniia na Altae, v Priirtysh'e i Verkhnem Priob'e (arkheologii, etnografiia, ustnaia istoriia): 2017 god. Materialy XIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Field Studies in Altai, in the Irtysh and Upper Priobye (Archeology, Ethnography, Oral History): 2017. Abstracts of the 13 International Scientific and Practical Conference]*. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk State University Publ., 2018, pp. 312–317. (In Russ.)

- 15 Bart, F., editor *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: Sotsial'naiia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [*Ethnic Groups and Social Boundaries: Social Organization of Cultural Differences*]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. 198 p. (In Russ.)
- 16 Fursova, E.F., editor *Etnokul'turnaia identichnost' narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii* [*Ethnocultural Identity of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories*]. Novosibirsk: Institute of Archeology, Anthropology and Ethnography SB RAS Publ., 2019. 592 p. (In Russ.)
- 17 Beljanin, D.N., Vorobieva, T.V., Emelyanova, E.K., Goroshko, N.V., Gulyaeva, N.V., Zhigunova, M.A., Zinoviev, V.P., Fedorov, R.Yu., Sherstova, L.I. "Siberia within the Russian Empire of the 18th – beginning of the 20th Centuries." *Humans in the Siberian Landscapes. Ethnocultural Dynamics and Interaction with Nature and Space*, ed. V.N.Bocharnikov, A.N.Steblyanskaya. Cham, Springer Publ., 2022, pp. 151–168. (In English)
- 18 Smith, Anthony D. *National Identity*. London, Penguin Publ., 1991. 227 p. (In English)